

zeichnisse der etymologisch behandelten uralischen und nichturalischen Wörter ist es sehr einfach festzustellen, ob z.B. ein ungarisches oder ein finnisches Wort eine etymologische Entsprechung im Ostjakischen hat.

Zum Schluß sei festgestellt, daß Uralisten und Nichturalisten, die sich mit dem Ostjakischen oder mit Sprachkontakten be-

fassen, der kleinen Berliner Finnougristen-gruppe zu Dank für dieses mit der sprichwörtlichen deutschen Gründlichkeit ausgeführte Wörterbuch verpflichtet sind. DEWOS gilt zugleich auch als ein Monument des Andenkens an den bereits vor 30 Jahren verstorbenen großen deutschen Ostjakologen und Finnougristen Wolfgang Steinitz.

LÁSZLÓ HONTI (Groningen)

<https://doi.org/10.3176/lu.1997.2.15>

А. Н. Келина, Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1996.

24 декабря 1996 г. на заседании Специализированного совета К 063.72.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Мордовском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Антонины Николаевны Келиной.

Работа А. Н. Келиной «Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках» выполнена под научным руководством профессора А. П. Феоктистова в отделе мордовского языкознания Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Д. В. Цыганкин (Саранск) и кандидат филологических наук доцент А. Н. Куклин (Йошкар-Ола).

Отраслевая и терминологическая лексика была и остается одной из важных задач уралолистики. И это естественно, ведь терминология каждого языка объединяет в своем составе наименования специальных понятий всех отраслей хозяйственной деятельности, представляющие большой интерес для комплекса филологических, а также исторических наук, в том числе истории культуры малочисленных этносов, чье прошлое недостаточно полно отражено в памятниках письменности и других источниках. Безусловно, терминология прядения, плетения и ткачества в плане семантики и адекватности термина содержанию существующего понятия всегда находилась в поле зрения специалистов, изучающих вопросы исторических, этнических, хозяйст-

венных и культурно-бытовых взаимоотношений мордовских макроэтногрупп с неродственными по языку соседствующими народами, контакты с которыми способствовали возникновению иноязычных наслоений в лексической системе мордовских языков.

За протекшие десятилетия во всех сферах традиционной народной культуры и быта финно-угров России произошли заметные изменения. В связи с широким распространением современной городской одежды, вытеснением из быта мужского национального наряда, а также появлением женских модернизированных видов народного костюма, изготовляемого из фабричных материалов, домашние прядение и ткачество перестали быть необходимыми и уходят в прошлое. Вместе с тем исчезают многие слова и выражения, относящиеся к этим видам труда, как устаревшие и ненужные в повседневном обиходе. Поэтому сбор терминов ткачества, прядения и плетения с фиксацией всех диалектных фонетических вариантов, систематизация в рамках тематических групп, историко-этимологический и словообразовательный анализ — задача, имеющая первостепенное значение как для мордовского языкознания, так и для финно-угроведения и уралолистики.

Несомненно, что тема работы А. Н. Келиной весьма актуальна, обращение к ней своевременно не только для решения научно-практических задач мордовского языкознания, но и в интересах разработки общетеоретических проблем мордовской терминологии.

Основной целью рецензируемой работы является всестороннее изучение терминологии ткачества, выявление ее основных групп, выяснение происхождения и становления ткацкой терминологии в мордовских языках, определение способов словообразования и структурных моделей соответствующих терминов.

Работа А. Н. Келиной «Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках» представляет собой первое специальное исследование такого плана. До настоящего времени термины ткачества в мордовском языкознании монографически не описывались и лингвистической оценки не получали.

Источниками для написания работы послужили словари мордовских языков разных типов, начиная с самых ранних: диалектологический словарь Х. Паасонена «Mordwinisches Wörterbuch»; словарная картотека Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики; записи, сделанные автором в лингвистических экспедициях и научных командировках. В качестве дополнительных источников привлечены этимологические словари уральских, финно-угорских, тюркских и русского языков.

Объем работы — 171 страница машинописного текста, она состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы и словарей, условных сокращений названий языков и диалектов и приложения, представленного в виде указателя терминов ткачества.

Во введении (с. 1—5) автор указывает на актуальность работы, ее теоретическую и практическую значимость, научную новизну, определяет цель и задачи исследования, описывает принципы и методы, а также источники работы. Завершает ее краткая аннотация, где правильно подчеркивается, что в работе впервые подвергнуты историко-этимологическому анализу термины ткацкого производства; выявлен реестр деривационных суффиксов, участвующих в образовании ткацкой терминологии, определена их продуктивность; установлены структурные модели терминов ткачества (с. 5).

Первая глава (с. 6—64) посвящена происхождению и становлению ткацкой терминологии в мордовских языках.

Терминология ткачества представляет собой результат длительного развития, свои-

ми корнями она уходит в седую уральскую древность. Слова, которыми пользуются сейчас носители мордовских языков, различны как по времени возникновения, так и по происхождению. Наиболее древними являются термины, сохранившиеся с времен уральского праязыка или возникшие на основе лексических элементов уральского периода. Автор выявила 27 таких терминов. Они, как правило, имеют соответствия не только в финно-угорских, но и в самодийских языках. Таковы, например, эрз. *ёнс* 1) 'ручная шерсточесалка, лучок для бие-ния шерсти'; 2) 'боёк, катеринка — деталь шерстобитни' (с. 10); эрз., мокш. *пакс* 1) 'мотушка'; 2) эрз. 'пасмо, часть мотка' (с. 11—12).

При бесспорных достоинствах анализа лексем уральского периода А. Н. Келиной необходимы отдельные уточнения. Так, правильность интерпретации происхождения лексем эрз. *почко*, мокш. *почка* 'шпулька, цевка (род трубки, катушки)' она иллюстрирует композитами типа *шымавуч*, *шымавич* 'дягиль', взятыми из «Этимологического словаря марийского языка» Ф. И. Гордеева (Йошкар-Ола 1983). Однако более приемлемы для сравнения мар. *пуч*, *пыч* 'труба, трубка'.

Следующий по времени пласт лексики — термины финно-угорского происхождения (29 единиц). Автор вполне обоснованно констатирует, что слова финно-угорского происхождения, сохранившиеся во многих родственных языках, при полной семантической идентичности имеют разные фонетическое оформление и морфологическую структуру (с. 15). Ср., например, эрз. *кенере*, мокш. *кенерь* 'локоть — мера длины, равная 0,5 м', мар. *кәиер*, *кәиер* 'локоть — мера длины' (с. 16); эрз. *реј* 'зубец в берде' (с. 17), мар. *пій* 'зуб, зубы', *ис пій* 'зубья бёдра'.

Терминология финно-пермского периода весьма разнообразна. Таких терминов 47, например: эрз. *коморо*, мокш. *комор* 1) 'единица измерения конопли — горсть', 2) 'сноп конопли, льна, поскони' (с. 21), мар. *кортаж* 1) 'горсть'; 2) 'горсть; мера, количество чего-л., умещающегося в руке'; эрз., мокш. *парь* 'кадушка для складывания холста', мар. *пурня* 'кузов, кузовок (короб из бересты или лыка)' (с. 22 и др.).

Разделяя мнение автора о семантике эрз. *танаркс* 'сверток, клубок' (с. 23), рецензент хотел бы привлечь к сравнению и

топ 'мяч', марГ топ 'круглая связка (например, лыка)'.
 В словарной статье эрз. *таргамо*, мош. *таргама* 'снятие льна, конопля с поля способом дерганья' (с. 23) со ссылкой на М. А. Келина дано мар. *тараш* 'разделить, разъединить' (с. 23). Однако марГ *тараш*, марЛ *тараш* наполнены следующим смысловым содержанием: 1) 'раздвигать, раздвинуть что-л.; разъединять, разъединить что-л.'; 2) 'отдалять, отдалить кого-что-л.', т.е., значение 'разделить' в семантической плоскости указанных горных и луговых лексем отсутствует.

Термины, возникшие на основе лексики финно-волжского периода, связаны с дальнейшим развитием ткачества и прядения. Их количество равно 37. Они весьма разнообразны по своей семантике, ср., например, эрзянские и мокшанские термины: *вакс* 'прядь, четверть — мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами' (с. 25—26), *кечказеть*, *кячказ* 'крючки (на скобе самопрялки)' (с. 26) и др.

Приведенное для сравнения со ссылкой на работу М. А. Келина мар. *кышкар* фигурирует со значением 'скелет' (с. 26). Однако слово *кышкар* с фонетическим вариантом *кышкър* имеет следующие лексические значения: 1) 'род цилиндра, валика' (*шыртô мушдыртымо кышкар* 'цилиндр для наматывания ниток'); 2) корпус, каркас, костяк, обод, обруч'.

В марийском языке нет слова *лур* 'сырой, влажный', приведенного в «Этимологическом словаре уральских языков» (с. 27). Имеется лексема *лурс* со значением 'роса'. Причем словарь приводит отдельные лексические элементы, которые в марийских диалектах выступают с иным смысловым содержанием, ср. мар. *lo, lu-* 'промежуток, интервал' (с. 28), ср. совр. марГ *ло* 'середина, середина' и др. Изыскания в области типологии слова и наблюдения над динамикой в типологических параметрах лексемы в разные диахронические срезы функционирования показывают, что в семантической плоскости не было никаких изменений.

Учитывая словарное богатство мордовских языков, автор правильно отмечает, что в общемордовский период больше внимания уделялось прядению, ткачеству, изготовлению одежды, головных уборов, пле-

тению циновок из соломы и т.д. Поэтому к общемордовскому словарному фонду восходит большая группа терминов, обозначающих более усовершенствованные детали ткацкого стана, результаты ткачества и т.д. (с. 30—31), например: эрз. *лезданка*, мош. *лездом* 'нитка, намотанная с двух веретен на одно веретено' (с. 33); эрз. *нерьгема*, мош. *нярьгома* 'стирка, толчение холста' (с. 34).

Некоторые выражения общемордовского периода в семантическом отношении либо совпадают с марийскими, либо приближаются к ним. Расхождения, имеющиеся в звуковом оформлении, обусловлены фонетическими особенностями волжских языков; например: эрз. *канстень костямо*, мош. *каньфонь косьфтама* 'сушка конопля' (с. 32), мар. *кыне коштымаш* 'сушка конопля', *кыне коштымо жаш* 'время сушки конопля'; эрз. *мушко-пуло*, мош. *мушкê-рâла* 1) 'хвост кудели', 2) мош. 'определенная часть пряжи'; 3) мош. 'заверток шерсти, приготовленный для прядева' (с. 33—34), мар. *муш почкыш* 'охлопки кудели (отделяющиеся при охлопывании ее палкой)'.

В процессе обособленного развития мокшанского и эрзянского языков многие термины, как правильно указывает автор, претерпели изменения как фонетического, так и семантического характера.

В силу многовековых разнообразных связей мордовских макроэтногрупп с другими народами в мордовские языки проникло и укрепилось в их системе довольно значительное количество иноязычных лексических элементов. Процесс освоения заимствованных слов не ущемлял самобытность мордовских языков, не нарушал их внутриязыковые законы, а напротив, восполнял пустоты в их лексической системе для отражения новых понятий.

В зависимости от того, на основе лексики каких языков произошли термины, автором выделены три группы: 1) термины, возникшие на основе заимствований из индоевропейских языков (с. 50—52), 2) термины, возникшие на основе заимствований из восточнославянского — русского языка (с. 53—58), 3) термины, возникшие на основе заимствований из тюркских языков (с. 58—64).

На основе индоевропейских заимствований в мордовских языках возникли такие термины, как эрз. *кансть*, мош. *каньф*

'конопля' (с. 51), эрз., мокш. *lara* 'большой деревянный гребень для очесывания льна' (с. 51—52) и некоторые другие. Количество их равняется 7.

Среди терминов иноязычного происхождения многочисленную группу составляют слова, восходящие к лексической системе русского языка, в том числе древнерусского, а также общеславянского периодов. Количество их равно 54. Некоторые русизмы на почве мордовских языков сохранили свои диалектные особенности; ср., например, эрз. *гумажной* 'холст, вытканый из льняных (или посконных) и хлопчатобумажных ниток' (с. 54) и *гумага*, приведенное Н. М. Васнецовым в «Материалах для объяснительного областного словаря вятского говора» (Вятка 1907, с. 55).

Займствования из тюркских языков сыграли значительную роль в формировании мордовской терминологии ткачества. Весьма правомерно утверждение А. Н. Келиной, что исторически мокша имели с тюркскими народами более тесные связи, чем эрзя. В исследуемой лексике ею выявлено 16 терминов тюркского происхождения, из которых четыре употребляются только в мокшанском, два — только в эрзянском (с. 59).

В мордовских (мокшанском и эрзянском) языках автором выявлено всего около 630 терминов ткачества.

Завершая обзор указанной главы, следует отметить, что весь анализируемый материал автором строго систематизирован.

Во второй главе рассматриваются типы дериваций в мордовской отраслевой терминологии (с. 65—124).

Соответственно словообразовательной структуре термины ткачества разделены автором на несколько групп. Широко распространенные словообразовательные способы — безаффиксный, морфологический (суффиксальный), лексико-синтаксичес-

кий, аналитический, лексико-семантический. Кроме того, терминологизация происходит и морфолого-синтаксическим способом. Напрашиваются вопросы: имеются ли случаи сращения слов (знаменательных и служебных, знаменательных слов и отдельных грамматических форм)? Наблюдаются ли сращения словосочетаний при образовании терминов? Существуют ли смысловые различия между сращенными и несращенными формами одних и тех же знаменательных слов?

Некоторые сомнения вызывает интерпретация происхождения переднеязычного смычного *t'*, выступающего как вариант суффикса *-t*.

Глава содержит ценные сведения и свежую информацию, многие термины объяснены впервые.

Теоретическую часть завершает заключение (с. 124—129).

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью сказать, что А. Н. Келина решила многие ключевые вопросы мордовской терминологии. По своему содержанию предлагаемые решения принципиальных возражений не вызывают. Теоретическая и практическая значимость их несомненна и они могут быть использованы при исследовании терминологии ткачества других финно-угорских языков, а также найдут применение в преподавании курса лексикологии, диалектологии, исторической грамматики, спецкурса по финно-угорской терминологии в вузах республик Урало-Поволжского историко-географического региона.

Работа А. Н. Келиной «Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках» является законченным исследованием, содержащим свежий добротный фактический материал и отличающимся научной новизной и обоснованностью выдвигаемых положений и выводов.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)